

Капитан М.

Контракт на ненависть

Капитан М. Контракт на ненависть

<https://litres.ru/74408193>

SelfPub; 2026

Аннотация

После трагической гибели отца в результате мошеннических действий влиятельного бизнесмена Максима Ветрова, Анна оказывается в безвыходной ситуации. Долги семьи переходят к ней, а сам виновник трагедии делает шокирующее предложение — стать его спутницей на год в обмен на избавление от финансового бремени и защиту матери.

Оказавшись в роскошном плену могущественного врага, Анна вынуждена подчиняться его воле, но в её сердце зреет план мести. Ненависть к человеку, разрушившему её жизнь, становится её движущей силой. Она понимает — единственный способ выжить в этой игре — это сыграть по своим правилам.

Содержание

Глава 1. Пепел и предложение	4
Глава 2. Клетка с золотыми прутьями	24
Глава 3. Тонкая грань	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Капитан М.

Контракт на ненависть

Глава 1. Пепел и предложение

Запах гари вьелся в её волосы, в поры кожи, в подкладку строгого чёрного жакета, который она не снимала уже вторые сутки. Анна сидела на холодной скамье в коридоре городского морга, бессмысленно разглядывая трещину на кафельной плитке, уходящую от пола к самому потолку. Трещина напоминала молнию, застывшую в момент удара. Или вену на виске отца. Такую же, какая вздулась у него в то утро, когда он стоял у окна их старой квартиры и смотрел вниз, на асфальт, словно прикидывал расстояние.

— Анна Сергеевна, подпишите здесь и здесь, — бесцветный голос служащей вырвал её из оцепенения.

Она не вздрогнула. За последние сорок восемь часов её тело, казалось, разучилось реагировать на внешние раздражители. Только внутри, где-то под рёбрами, жило одно-единственное чувство — тупая, выжигающая всё остальное ненависть. Она пульсировала в такт сердцу, и каждый удар отзывался глухой болью в висках.

Ручка скользнула по бумаге, оставляя размашистую подпись. Анна даже не взглянула, под чем расписывается. Акт

опознания? Согласие на вскрытие? Заявление о выдаче тела? Какая разница. Её отец мёртв. Остальное — лишь бюрократическая оболочка трагедии, превращающая человека в строчку в журнале.

— Соболезнуем вашей утрате, — произнесла служащая с той отстранённой вежливостью, за которой не было ничего, кроме желания поскорее закончить смену.

Анна подняла голову. Женщина в сером халате, с усталым лицом и потухшими глазами, смотрела на неё с профессиональным сочувствием. Такое сочувствие выдают порциями, как лекарство в аптеке, — ровно столько, сколько положено по инструкции.

— Спасибо, — ответила Анна, и собственный голос показался ей чужим, доносившимся откуда-то со стороны.

Она поднялась. Ноги затекли, спина ныла от долгого сидения. Надо было уходить, но ноги будто приросли к полу. Что дальше? Похороны. Организация, звонки, бумаги. Мама, которая не может перестать плакать и всё повторяет, что это она во всём виновата. Что это она попросила отца взять тот кредит. Что если бы не её бизнес, не её мечты о собственной пекарне, они бы никогда не влезли в эти долги.

Анна сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Нет. Это не мамина вина. И не отца. Это вина одного-единственного человека. Того, кто сидел в зале суда с усмешкой на холёном лице и смотрел, как разваливается дело. Того, кто уничтожил их семью одним росчерком пера. Максим Алек-

сеевич Ветров. Магнат, строительный король, владелец половины элитной недвижимости города. И теперь — убийца её отца.

Она не знала, сколько простояла так, пока из оцепенения её не вывел деликатный кашель охранника. Взгляд его выражал нетерпение: рабочий день подходил к концу.

Выйдя на улицу, Анна на мгновение зажмурилась от серого осеннего света. Небо низко нависало над городом, грозя пролиться дождём в любую секунду. Воздух был влажным, холодным, пропитанным запахом мокрого асфальта и опавшей листвы. Она вдохнула глубоко, чувствуя, как лёгкие наполняются этой сыростью, смешанной с неуловимым привкусом гари, который, казалось, преследовал её повсюду с той самой ночи.

С той ночи, когда всё рухнуло.

Тогда она стояла у окна своей съёмной квартиры и смотрела, как догорает здание отцовской пекарни на другом конце улицы. Отец вложил в неё всё — сбережения, силы, душу. Он верил, что сможет. А когда банк отказал в кредите, появился Ветров. Он предложил займ на кабальных условиях. Отец подписал договор, не читая, доверившись юристам, которых порекомендовал тот же Ветров. Спустя полгода выяснилось, что этот кредитный договор — долговая яма, из которой нет выхода. А Ветров, оказывается, давно положил глаз на этот земельный участок, рассчитывая построить на нём очередной торговый центр.

Дело, которое вела Анна, казалось верным. У неё были доказательства, свидетельские показания, экспертиза. Она верила в справедливость. Верила, что закон на стороне слабого. Но суд вынес решение в пользу Ветрова. А через неделю после этого её отец выбросился из окна.

Хлопнула дверца такси, и Анна вздрогнула, понимая, что уже сидит на заднем сиденье и смотрит на проплывающие за окном дома. Она не помнила, как ловила машину, как называла адрес. Всё происходило на автопилоте, пока разум оставался где-то далеко, в холодной комнате с металлическим столом, где лежало тело человека, который растил её, учил ходить, читал на ночь сказки, а потом, уже взрослой, покупал ей любимые пирожные с вишней, когда она забегала к нему в пекарню.

— Приехали, — сообщил водитель.

Анна расплатилась и вышла. Дом, в котором она снимала квартиру, встретил её привычным запахом подъезда — кошачьей мочой, табаком и дешёвым освежителем воздуха. Она медленно поднялась на четвёртый этаж, отперла дверь и вошла внутрь.

Квартира встретила её тишиной. Той особенной, давящей тишиной, которая наступает после большой беды. На столе — недопитая кружка чая, остывшего и покрывшегося мутной плёнкой. Рядом — ворох бумаг, распечатки судебных документов, исписанные торопливым почерком страницы. Её последняя попытка. Безнадёжная, как выяснилось.

Анна сбросила жакет, оставшись в белой блузке, пожелтевшей под мышками от долгого стресса, и направилась в ванную. Открыла кран с холодной водой, подставила ладони, а затем прижала мокрые руки к лицу. Вода стекала по подбородку, капала на блузку. В зеркале напротив отражалась женщина, которую она едва узнавала: осунувшееся лицо, красные от слёз глаза, заострившиеся скулы. Она выглядела на десять лет старше. Хотя, быть может, за последние дни она действительно прожила десять лет.

Она стянула блузку через голову и встала перед зеркалом. Тело — всё, что у неё осталось. Да и то, казалось, принадлежащее уже не ей, а горю, впитавшемуся в каждую клетку. На шее — цепочка с маленьким крестиком, подарок отца на крестины. Анна сжала крестик в кулаке, ощущая, как металл нагревается от кожи. Когда-то она перестала верить. Теперь же ей отчаянно хотелось, чтобы хоть что-то имело смысл.

Дверной звонок разорвал тишину, заставив её вздрогнуть. Анна замерла, не зная, стоит ли открывать. Она никого не ждала. Мысли о матери? Вряд ли: после случившегося мама почти не вставала с постели, и за ней присматривала тётя Люба. Тогда кто?

Звонок повторился — настойчиво, требовательно. Анна торопливо накинула халат, висевший на крючке, и направилась к двери. Сквозь «глазок» она увидела двух мужчин в чёрных костюмах. Лица их были ей незнакомы, но осанка, манера держаться, даже сам покрой пиджаков говорили о

том, что они не коллекторы и не курьеры.

— Кто? — спросила она, не открывая.

— Анна Сергеевна, у нас поручение от Максима Алексеевича Ветрова, — раздался глухой голос из-за двери. — Он просит вас принять его. Дело срочное и касается вашей семьи.

Внутри Анны что-то оборвалось. Ветров. Его имя прозвучало как удар хлыста по обнажённой коже. Она прислонилась лбом к холодной двери, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Как он смеет? После всего, что сделал, после смерти отца, он шлёт к ней своих людей? Это издёвка? Или очередная попытка унижить?

— Передайте ему, — произнесла она тихо, но твёрдо, — чтобы он пошёл к чёрту.

— Анна Сергеевна, — второй голос был мягче, вкрадчивее, — вы не понимаете. Максим Алексеевич настаивает. Он велел передать, что речь идёт о вашей матери. И о долгах вашего отца. Если вы не поговорите с ним сейчас, последствия могут быть необратимыми.

Анна прикрыла глаза. Долги. Опять долги. Они как гиря на шее утопающего, тянут вниз, не давая вздохнуть. Она вспомнила бумаги на столе, вспомнила сумму, которую отец остался должен после проигранного суда. Астрономические цифры, которые ей не заработать и за десять лет. И вот теперь Ветров является с каким-то предложением. Зачем? Зачем ему понадобилась она?

Её пальцы сжали ручку замка. Щелчок — и дверь приоткрылась.

— Хорошо, — произнесла она, глядя на мужчину сквозь щель. — Где он?

— Внизу, в машине. Он ждёт вас.

Анна кивнула и захлопнула дверь. Сердце колотилось где-то в горле. Она скинула халат, натянула тот же жакет поверх блузки, поправила волосы, стянув их в небрежный узел на затылке. Взглянула в зеркало. Бледное, измождённое лицо, тёмные круги под глазами. Что ж, пусть видит, во что он превратил её жизнь. Пусть посмотрит в глаза своей жертве.

Она спустилась по лестнице, игнорируя запахи подъезда, и вышла на улицу. У тротуара стоял чёрный седан с тонированными стёклами, рядом с ним — ещё один, с охраной. Передняя дверь первого седана распахнулась, и из неё вышел тот самый человек, которого она видела в зале суда. Он не изменился: тот же насмешливый прищур, та же ленивая уверенность в каждом движении, та же аура вседозволенности, окутывающая его, как дорогой парфюм.

Максим Алексеевич Ветров был мужчиной лет сорока, высоким, широкоплечим, с жёсткими чертами лица, которые, впрочем, можно было бы назвать привлекательными, если бы не холодная, безжалостная жестокость, проступавшая в изгибе губ и стальном блеске серых глаз. Он был одет в тёмно-серое пальто, явно сшитое на заказ, из-под которого виднелся угольно-чёрный костюм и накрахмаленная белая

рубашка без галстука. Всё в нём кричало о богатстве и власти, о той породе людей, для которых закон — лишь инструмент для достижения целей.

— Анна Сергеевна, — произнёс он, и голос его оказался ниже, чем она помнила. — Рад, что вы согласились выйти.

— Я не согласилась, — отрезала она, останавливаясь на расстоянии нескольких шагов. — Я вышла только для того, чтобы сказать вам лично: вы мне отвратительны. И если у вас есть хоть капля совести, вы оставите меня и мою семью в покое.

Её слова упали в тишину, как камни в ледяную воду. Охрана напряглась, но Ветров лишь усмехнулся — лениво, снисходительно, как улыбаются капризному ребёнку.

— Эмоции, — сказал он, делая шаг к ней. — Я понимаю. Потеря, горе, гнев. Всё это естественно. Но я здесь не для того, чтобы выслушивать оскорбления, Анна Сергеевна. Я здесь, чтобы сделать вам предложение, от которого, на вашем месте, я бы не отказался.

— Мне не нужны ваши предложения, — она сделала шаг назад, но за спиной оказалась стена дома. — Всё, что мне нужно, — чтобы вы исчезли из моей жизни навсегда.

— Увы, это невозможно, — Ветров приблизился, и теперь он стоял так близко, что она чувствовала исходящий от него запах — смесь терпкого одеколona, табака и дорогой кожи. — Видите ли, я держу в руках все нити. Долги вашего отца, те самые, из-за которых он покончил с собой, теперь пере-

шли к вам. Вы об этом знали?

Анна замерла. Слова доходили до неё с трудом, будто сквозь толщу воды. Долги? Перешли к ней? Она знала, что наследники отвечают по обязательствам наследодателя. Но отец не оставил ей ничего, кроме пепелища и воспоминаний. Она отказывалась от наследства, разве нет? Или не успела?

— Вы не знали, — констатировал Ветров, всматриваясь в её лицо. — Что ж, тем лучше. Значит, моё предложение застанет вас врасплох.

— Говорите и убирайтесь, — прошептала она, но голос предательски дрогнул.

Он улыбнулся — на этот раз иначе, с каким-то тёмным, почти хищным удовольствием.

— Станьте моей спутницей на один год. Полное подчинение мне во всём. Взамен я аннулирую все долги вашей семьи, включая те, что перешли к вам. Кроме того, я обеспечу вашей матери достойное содержание, лечение и защиту. Вы получите не только свободу от финансового бремени, но и возможность спокойно жить дальше. Согласитесь, щедрое предложение.

Анна смотрела на него, не в силах произнести ни слова. Мысли заматались, как вспугнутые птицы. Спутница? Что это значит? Любовница? Игрушка? Рабыня? Полное подчинение? Он сошёл с ума?

— Вы больны, — выдохнула она, отшатываясь. — Психически больны. Вы уничтожили моего отца, а теперь пред-

лагаете мне стать вашей... — она не смогла произнести это слово вслух, — ...вашей собственностью? Вы чудовище!

— Называйте как угодно, — спокойно ответил Ветров, поправляя манжету рубашки. — Но подумайте о матери. Подумайте о том, что ждёт её впереди. Счета, суды, коллекторы, возможно, потеря жилья. Вы хотите этого для неё? Или ваша гордость важнее её благополучия?

Удар был точным и безжалостным. Анна сжала зубы, чувствуя, как внутри закипает бессильная ярость. Он манипулировал ею, как манипулировал всегда. Знал слабые места, знал, на что давить. Мать... Её мать, которая после смерти отца превратилась в тень, которая не ест, не пьёт, только плачет и зовёт покойного мужа. Если на неё обрушатся ещё и долговые обязательства, она не выдержит. А Ветров это прекрасно понимал.

— Почему? — спросила Анна тихо, глядя ему прямо в глаза. — Почему я? Зачем вам это?

Он выдержал паузу, наслаждаясь моментом. Губы его изогнулись в улыбке, в которой не было ни капли тепла.

— Вы красивы, умны, и у вас есть характер. Я наблюдаю за вами давно, Анна Сергеевна. Гораздо дольше, чем вы можете себе представить. Ещё до суда, до всех этих печальных событий. Вы заинтриговали меня. Зажгли... определённый интерес. И я привык получать то, чего хочу.

Слова падали, как кубики льда в бокал с виски — размеренно, с холодным звоном.

— Вы хотели меня уничтожить? — произнесла она, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Поэтому весь этот фарс с судом, с долгами? Чтобы загнать меня в угол и предложить сделку?

— Я просто воспользовался обстоятельствами, — пожал он плечами. — Ваш отец сам выбрал путь слабости. Я лишь предложил ему деньги. То, что он не умел распоряжаться ими, — не моя вина. А вы... вы стали идеальной мишенью. Уязвимой, но не сломленной. В вас есть огонь. И мне нравится этот огонь. Я хочу его... укротить.

Анна почувствовала, как к горлу подступает желчь. Ей хотелось закричать, ударить его, расцарапать это самоуверенное лицо. Но вместо этого она заставила себя стоять неподвижно, вцепившись ногтями в ладони.

— Вы отвратительны, — повторила она. — И я никогда на это не соглашусь.

— Никогда — слишком громкое слово, — усмехнулся Ветров. — Жизнь умеет расставлять приоритеты. Я дам вам время подумать. Сутки. Завтра в это же время я жду вашего ответа. Если вы откажетесь, — он сделал шаг ближе, и теперь его лицо оказалось в каких-то сантиметрах от её лица, — я устрою вашей матери такую жизнь, что смерть вашего отца покажется ей избавлением.

Его дыхание коснулось её щеки — горячее, несмотря на холодный осенний воздух. Анна не отшатнулась. Она встретила его взгляд, полный ненависти, и в эту секунду между

ними проскочило нечто тёмное, электрическое, то, отчего по её коже побежали мурашки. Ненависть? Да. Но в глубине её, как ядовитый цветок, распускалось нечто иное — страх, смешанный с болезненным, запретным любопытством. Она ненавидела его всем сердцем. Но он был прав в одном: у неё не было выбора.

Ветров отстранился, и его лицо снова стало непроницаемым.

— Завтра, в восемь вечера, чёрный автомобиль будет ждать вас у подъезда. Если вы не сядете в него, я решу, что вы сделали свой выбор. И тогда... — он не договорил, но пауза была красноречивее любых слов.

Он развернулся и направился к машине. Уже взявшись за дверцу, обернулся:

— И, Анна Сергеевна... Не стоит недооценивать мою одержимость.

Дверца захлопнулась, и автомобиль плавно тронулся с места. Анна осталась стоять у подъезда, чувствуя, как холод пробирается под одежду, как ветер треплет выбившиеся из узла волосы. Мир вокруг вращался, терял очертания, рассыпался на фрагменты. Внутри неё всё бушевало: гнев, стыд, отчаяние, боль. И где-то на самом дне, под всем этим, — странное, постыдное ощущение собственной беспомощности перед силой, которая была больше неё.

Она поднялась в квартиру, заперла дверь и опустилась на пол в прихожей. Слез не было. Только пустота. И эхо его го-

лоса, звучавшее в ушах: «Полное подчинение». Что это значит для неё? Что он будет делать с ней? Насколько далеко может зайти человек, который привык получать всё, чего желает?

Она обхватила колени руками и уткнулась в них лицом. Нужно позвонить маме. Узнать, как она. Но как говорить с ней, когда в голове крутится это дьявольское предложение? Как признаться, что её судьба теперь зависит от решения, которое она ещё не приняла?

А решение было простым. И от этого — самым страшным.

Она посмотрела на телефон, лежавший на тумбочке. На экране — несколько пропущенных звонков от тёти Любы. Потом на связку ключей, на старую фотографию в рамке, где они с родителями улыбались на фоне пекарни. Отец стоял, обняв их обоих, и в его глазах было столько любви и надежды...

Анна знала, что сделает это. Знала ещё там, у подъезда, когда слышала про мать. Гордость — не та цена, которую стоит платить, когда на кону жизнь близкого человека. А если для этого придётся отдать себя — что ж, возможно, в этом и есть её наказание за то, что не смогла спасти отца. За то, что не смогла выиграть дело. За то, что вообще поверила в справедливость.

Она поднялась с пола, подошла к окну. Дождь наконец пролился, струи стекали по стеклу, превращая городские огни в размытые пятна. Через сутки она даст ответ. Через сут-

ки её жизнь изменится навсегда. А пока — тишина, одиночество и тёмный, липкий страх, проникающий в самую душу.

В дверь снова позвонили. Анна вздрогнула, сердце заколотилось. Она подошла к «глазку» и увидела на пороге соседку, старую женщину с первого этажа, которая, кажется, собирала сплетни по всему подъезду. В этот раз она пришла с каким-то пакетом.

— Анна Сергеевна, откройте, милая, — прошамкала она. — Я вам еды принесла. Слышала, что у вас горе...

Анна прижалась лбом к двери. Каким же жестоким может быть мир, когда даже простое человеческое участие причиняет боль. Но она открыла. Соседка вручила ей контейнер с ещё тёплым супом и долго что-то говорила, но Анна почти не слышала. Она благодарила, кивала, а в голове звучало одно: «Завтра. В восемь. Чёрный автомобиль».

Когда дверь наконец закрылась и шаги соседки стихли на лестнице, Анна поставила контейнер на стол и села на стул. Есть не хотелось. Вообще ничего не хотелось, кроме одного: чтобы всё это оказалось страшным сном. Чтобы она проснулась в своей постели, услышала бы отца на кухне, почувствовала запах свежей выпечки, доносившийся из-за двери. Чтобы всё было как раньше. До суда. До Ветрова. До той проклятой недели, перевернувшей её мир.

Но реальность была безжалостна. Она сидела в пустой квартире, пахнувшей гарью и скорбью, и завтра ей предстояло принять решение, которое она уже приняла.

Анна встала, подошла к шкафу и вытащила чёрное платье — то самое, в котором была на похоронах недавно ушедшей бабушки. Провела ладонью по гладкой ткани. Чёрный цвет ей шёл. В последнее время — особенно.

Она повесила платье на спинку стула, сняла жакет, затем блузку, оставшись в простом белье. Взглянула на своё отражение в зеркале, висевшем на дверце шкафа. Женщина, которую она видела, казалась ей незнакомой. Слишком худая, слишком бледная, с тенями под глазами, как у призрака. Но во взгляде её появилось что-то новое — холодная, отчаянная решимость. Та самая, что приходит на грани, когда уже нечего терять.

— Хорошо, Максим Алексеевич, — прошептала она, глядя в собственные глаза. — Я стану твоей. Но ты ещё пожалеешь об этом.

Слова прозвучали тихо, но в них было столько яда, что стёкла, казалось, задрожали. Анна усмехнулась — горько, зло, неожиданно для самой себя. Он думает, что покупает послушную игрушку. Он не знает, что в его коллекции появится нечто гораздо более опасное, чем он может вообразить. Ненависть, поселившаяся в её сердце, станет его тенью, его наваждением, его личным адом. Год — достаточный срок, чтобы уничтожить человека изнутри. И она это сделает. Сделает всё, чтобы он заплатил за каждый день, за каждый час боли, за каждую слезу её матери.

Но пока — тишина. Пока — пустота и ожидание. Она лег-

ла на кровать, не раздеваясь, и уставилась в потолок. Мысли метались, обгоняя друг друга. Картинки прошлого и будущего перепутались в болезненный узел: отец, улыбающийся у прилавка; судья, зачитывающий решение; лицо Ветрова, склонившееся к ней у подъезда; мать, рыдающая в подушку, чёрное платье на спинке стула...

Сквозь незакрытые шторы в комнату просачивался холодный свет уличных фонарей. Дождь усилился, стучал по подоконнику, как невидимый барабанщик. Анна лежала и слушала этот стук, чувствуя, как постепенно проваливается в тяжёлое, беспокойное забытьё, где сны были мрачнее реальности.

И снился ей дом. Старый дом, в котором прошло её детство. Она шла по коридору, касаясь стен, и пальцы её оставляли на обоях следы, как на холодном стекле. Впереди — дверь в кухню, откуда доносился голос отца. Он звал её, но она не могла дойти: ноги вязли в невидимом киселе, а дверь отдалялась, становилась всё меньше, пока не превратилась в точку.

И сквозь сон она слышала чей-то смех. Низкий, вибрирующий, торжествующий. Она знала, чей он. И от этого знания её тело охватывала дрожь, та, что бывает перед падением в пропасть.

Утро пришло серым и тяжёлым, как похмелье после долгой болезни. Анна села на кровати, чувствуя себя разбитой. Голова гудела, во рту пересохло. Она взглянула на часы: по-

что полдень. День промелькнёт незаметно, и наступит вечер. И тогда — ответ. Или бездна.

Она встала, умылась, налила себе воды, сделала несколько глотков. Есть по-прежнему не хотелось. Тело отказывалось принимать пищу, как будто объявило голодовку в знак протеста против предстоящего решения. Но разум был спокоен. Или, по крайней мере, делал вид.

Она позвонила маме. Трубку взяла тётя Люба. Голос её был уставшим, но ровным. Мама спит. Врач сделал укол успокоительного. Анна выслушала, поблагодарила, положила трубку. Внутри всё сжалось от мысли, что скоро ей придётся рассказать им о том, на что она согласилась. Или не рассказывать? Можно ведь просто исчезнуть на год, придумать какую-нибудь легенду: работа за границей, командировка, что угодно. Но врать маме... Сможет ли она?

К вечеру дождь прекратился. Анна надела чёрное платье, собрала волосы в строгий пучок, подвела глаза тёмным карандашом. Взглянула на себя в зеркало: из него смотрела женщина, готовая к войне. Бледная, но собранная, с острыми скулами и решительным взглядом. Она надела чёрные туфли на невысоком каблуке, накинула пальто и вышла из квартиры.

Восемь вечера. У подъезда, как и было обещано, стоял чёрный автомобиль. На этот раз без сопровождения. Задняя дверца была приоткрыта, из неё выглядывала тьма. Анна остановилась на ступенях, глядя на машину, как на зверя,

готового проглотить её целиком.

Она вдохнула холодный воздух, чувствуя, как он обжигает лёгкие. В последний раз оглянулась на окна своей квартиры, где за стеклом всё ещё горел свет — забыла выключить. Казалось, этот огонёк — последнее, что связывает её с прежней жизнью.

Потом она сделала шаг. Ещё один. Ещё. Подошла к автомобилю, взялась за ручку двери. Металл был ледяным. Она потянула дверцу на себя и села внутрь.

В салоне было тепло и пахло дорогой кожей. На заднем сиденье, в полумраке, угадывалась фигура. Ветров сидел, откинувшись на спинку, и смотрел на неё с той же ленивой полуулыбкой, которая сводила её с ума. В руке он держал стакан с янтарной жидкостью.

— Я знал, что вы придёте, — произнёс он.

Анна молча села напротив. Дверца захлопнулась. Автомобиль тронулся с места, унося её прочь от старой жизни — в новую, страшную, неизведанную.

— Куда мы едем? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ко мне, — ответил Ветров, сделав глоток. — Отныне вы живёте у меня. И, полагаю, нам стоит обсудить детали нашего... контракта.

Он протянул ей папку, лежавшую на сиденье между ними. Анна взяла её, чувствуя, как дрожат пальцы. Открыла. На первой странице — шапка документа, мелкий узористый

текст. Она пробежала глазами по строчкам, и внутри всё обвалилось.

«Стороны обязуются... Полное подчинение... Интимная близость по первому требованию... Запрет на разглашение... Срок — один год...»

Это был не просто договор. Это был договор о купле-продаже. О продаже её души.

Ветров наблюдал за ней, не отрываясь. В его глазах плясал огонь — тёмный, голодный, удовлетворённый. Он знал, что она подпишет. Знал, что у неё нет выхода. И это знание было для него самым сладким из всех.

— Я подпишу, — произнесла Анна, не поднимая глаз. — Но у меня тоже есть условие.

— Любопытно, — усмехнулся он. — И какое же?

Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. В этот момент ненависть была такой сильной, что, казалось, могла бы испепелить его на месте.

— Вы никогда, никогда не должны забывать, что я вас ненавижу. Что каждый мой вздох рядом с вами — это обещание мести. И однажды, Максим Алексеевич, вы пожалеете о том, что вообще появились в моей жизни.

В салоне повисла тишина. Автомобиль нёс их сквозь ночной город, и огни проносились мимо, как падающие звёзды. Ветров смотрел на неё, и на его лице медленно проступало выражение, которого Анна не ожидала. Это не был гнев. Не было насмешки. Это было... восхищение. Тёмное, извращён-

ное восхищение, от которого её сердце сжалось в тревожном предчувствии.

— Я буду помнить, — сказал он тихо. — И это делает всё ещё интереснее.

Он протянул ей ручку. Анна взяла её. Чернила на бумаге ложились чёткими, размашистыми буквами: «Смирнова Анна Сергеевна». Подпись, как приговор. Как шаг в пропасть.

Она отдала папку. Ветров взял её, не глядя, и отложил в сторону. Потом накрыл её руку своей. Ладонь его была горячей, сухой, тяжёлой. Анна вздрогнула, но не отдёрнула руки. Сил на сопротивление уже не осталось. Только где-то в глубине души, как последний уголь, тлело обещание: «Ты ещё заплатишь. За всё».

Автомобиль мчался в ночь, унося их в новый, тёмный мир, где ненависть и влечение должны были сплестись в смертельный танец. А за окном, в чёрном небе, впервые за долгие дни показалась луна — бледная, равнодушная, безучастная к судьбе тех, кто осмелился бросить вызов тьме.

Глава 2. Клетка с ЗОЛОТЫМИ прутьями

Дорога заняла около часа. Анна сидела, вжавшись в угол кожаного сиденья, и смотрела в окно, за которым пролетали ночные пейзажи. Город остался позади, растворился в пелене мелкого дождя, и теперь по обе стороны шоссе тянулись тёмные перелески, изредка прорезаемые светом редких фонарей. В салоне царило молчание, плотное, как вата, и только тихое урчание мотора да шорох шин по мокрому асфальту нарушали эту давящую тишину.

Ветров не проронил ни слова после того, как она подписала контракт. Он сидел напротив, расслабленно откинувшись на спинку, и время от времени подносил к губам стакан с виски. Его взгляд, тяжёлый, изучающий, скользил по её лицу, по шее, по рукам, сложенным на коленях. Анна чувствовала этот взгляд кожей — он был почти осязаем, как прикосновение. Ей хотелось закричать, выскочить из машины, убежать прочь, но она заставила себя сидеть неподвижно, вцепившись ногтями в ладони. Она не доставит ему удовольствия видеть её страх.

Хотя страх был. Он растекался по венам ледяным ручьём, сковывал движения, заставлял сердце биться неровно, с перебоями. И хуже всего было то, что к этому страху примешивался

валось нечто иное, тёмное и липкое, чему она боялась дать название. Ожидание. Болезненное, постыдное ожидание того, что произойдёт с ней в этом доме, за этими стенами, в этой чужой, враждебной жизни.

Автомобиль свернул с трассы на узкую дорогу, обсаженную старыми липами. Ветки деревьев, мокрые от дождя, царапали крышу, и звук этот напоминал скрежет когтей. Через несколько минут впереди показались высокие кованые ворота. Они распахнулись автоматически, едва машина приблизилась, и автомобиль плавно въехал на территорию.

Анна невольно подалась вперёд, разглядывая открывшийся вид. Дом был огромен. Трёхэтажный особняк в псевдоклассическом стиле, с колоннами, барельефами и широкими мраморными ступенями, ведущими к массивной парадной двери. Фасад подсвечивался мягким тёплым светом, отчего всё здание казалось нереальным, словно сошедшим с картинки глянцевого журнала. Вокруг — аккуратные газоны, подстриженные кусты, клумбы с поздними розами, которые даже в ноябре умудрялись цвести, укрытые заботливой рукой садовника. Слева от дома угадывались очертания гаража на несколько машин, справа — крытая терраса с плетёной мебелью.

Богатство. Власть. Вседозволенность. Всё это кричало о себе в каждой детали, в каждой линии этого места. И где-то в глубине души Анна почувствовала, как её собственная ненависть разгорается с новой силой, потому что всё это бы-

ло построено на чужой крови. Возможно, и на крови её отца.

Машина остановилась у самого крыльца. Ветров вышел первым и, обойдя автомобиль, открыл дверцу с её стороны. Жест был вежливым, почти галантным, но Анна не обманывалась. В его движениях сквозила та же собственническая уверенность, что и в словах. Он словно показывал ей, что отныне каждое его действие — часть одного большого ритуала, в котором она — лишь объект, вещь, принадлежащая ему.

— Прощу, Анна Сергеевна, — произнёс он, протягивая ей руку.

Она проигнорировала его ладонь и вышла сама, стараясь держать спину ровно. Ноги слегка дрожали, но она заставила себя ступить на мраморные ступени, подняться к двери, переступить порог.

Изнутри дом оказался ещё более впечатляющим, чем снаружи. Огромный холл с высоченными потолками, отделанными лепниной, пол из отполированного до блеска паркета, по которому было страшно ступать, чтобы не оставить следов. В центре — широкая мраморная лестница, ведущая на второй этаж, с коваными перилами, украшенными причудливыми завитками. Справа от входа — гостиная с камином, в котором уже потрескивал огонь, слева — столовая с длинным столом на двенадцать персон, сервированным с безупречной точностью. Всё дышало холодной, безжизненной роскошью, словно дом этот был не жилищем, а декорацией к фильму о богатых и несчастных.

— Нравится? — раздался за её спиной голос Ветрова.

Анна обернулась. Он стоял в дверях, небрежно опираясь плечом о косяк, и смотрел на неё с той же полуулыбкой, от которой её бросало в жар и холод одновременно.

— Это место такое же фальшивое, как и вы, — ответила она, выдерживая его взгляд.

Улыбка его стала шире.

— Возможно. Но теперь вы будете жить здесь. Привыкайте.

Он сделал знак, и откуда-то из глубины дома, словно по волшебству, возникла женщина в строгом тёмном платье и белом переднике. Ей было около пятидесяти, лицо её было спокойным и непроницаемым, как у человека, привыкшего не выражать эмоций.

— Это Елизавета, — представил её Ветров. — Она экономка и заведует всем персоналом. Если вам что-то понадобится, обращайтесь к ней. Хотя, — он сделал паузу, — вряд ли вам многое понадобится. Всё уже предусмотрено.

— Проводите Анну Сергеевну в её комнату, — обратился он к женщине. — И помогите устроиться.

— Сию минуту, Максим Алексеевич, — ответила та с едва заметным кивком.

Анна последовала за экономкой вверх по лестнице. Ступени были покрыты толстой ковровой дорожкой, поглощавшей звук шагов, и от этого тишина в доме казалась ещё более плотной, почти гнетущей. На втором этаже Елизавета свер-

нула в длинный коридор, по обеим сторонам которого тянулись двери, одинаковые, как капли воды. Одну из них она открыла и жестом пригласила Анну войти.

Комната оказалась неожиданно просторной и светлой. Огромная кровать с балдахином из полупрозрачной ткани, туалетный столик с зеркалом в серебряной раме, мягкий ковёр на полу, тяжёлые портьеры на окнах, за которыми угадывался ночной сад. Отдельная дверь вела, по-видимому, в ванную комнату. Всё было выдержано в светлых, почти пастельных тонах — белый, кремовый, бледно-розовый. Словно кукольный домик для дорогой игрушки.

— Гардеробная за этой дверью, — бесстрастно сообщила Елизавета, указывая на ещё одну дверь. — Там вы найдёте всё необходимое. Максим Алексеевич распорядился подготовить для вас одежду.

— Какую одежду? — спросила Анна, нахмурившись.

— Повседневную, вечернюю, домашнюю. Всё подобрано по вашему размеру.

Анна почувствовала, как внутри поднимается гнев. Он даже не спросил её! Заранее купил гардероб, будто она была не человеком, а манекеном, который нужно одеть по своему вкусу.

— Я хочу видеть Максима Алексеевича, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Он сейчас занят, — ответила экономка. — Но если вы желаете, я передам ему вашу просьбу.

— Да. Передайте.

Елизавета коротко кивнула и вышла, плотно закрыв за собой дверь. Анна осталась одна.

Она прошлась по комнате, касаясь пальцами поверхностей — шёлка, бархата, полированного дерева. Всё было новым, идеальным, без единой пылинки. Ни одной личной вещи, ни одной детали, которая могла бы сказать, что здесь кто-то жил. Эта комната, как и весь дом, была безликой, как отель высшего класса. И от этого становилось ещё более тошно.

Она подошла к окну и раздвинула портьеры. Внизу, в саду, горели фонарики вдоль дорожек, и их тёплый свет отражался в мокрой листве. Красиво. Но за этой красотой — пустота. Она знала, что не сможет здесь дышать. Что каждую секунду пребывания в этом месте будет задыхаться от ненависти и отчаяния.

Внезапно дверь отворилась. Анна обернулась, ожидая увидеть экономку, но на пороге стоял Ветров. Он успел снять пальто и остался в белой рубашке с расстёгнутым воротом и чёрных брюках. Волосы его были слегка растрёпаны, а в глазах горел тот самый тёмный огонь, который она заметила ещё в машине.

— Вы хотели меня видеть, — произнёс он, закрывая за собой дверь.

Анна отступила на шаг, но уперлась спиной в подоконник. Холодный мрамор обжёг лопатки сквозь тонкую ткань пла-

тъя.

— Я хотела сказать вам, — начала она, с трудом выдерживая его приближение, — что не нуждаюсь в вашем гардеробе. Я не кукла, чтобы вы наряжали меня по своей прихоти.

— Вы теперь моя спутница, — ответил он, останавливаясь в паре шагов от неё. — Это значит, что вы должны выглядеть соответствующе. Тем вещам, что остались в вашей квартире, не место в этом доме.

— Вам не кажется, что вы перегибаете палку? — вскинулась она. — Я подписала контракт, но это не даёт вам права распоряжаться каждым моим вздохом!

— Даёт, — произнёс он тихо, но с такой стальной уверенностью, что у неё перехватило дыхание. — Даёт. И чем раньше вы это поймёте, тем легче будет нам обоим.

Он сделал ещё шаг. Теперь между ними не осталось и полуметра. Анна чувствовала его запах — терпкий, с нотками дорогого алкоголя и сигарет, и этот запах одновременно отталкивал и странно притягивал. Она подняла голову, чтобы встретить его взгляд, и вдруг осознала, что смотрит на него снизу вверх, как жертва на хищника.

— Что вы собираетесь делать со мной? — спросила она, и голос её предательски дрогнул.

Он усмехнулся — медленно, растягивая момент, как кот, играющий с пойманной мышью.

— Пока — ничего. Вы устали. Вам нужно отдохнуть. Но завтра мы начнём. И знайте: я не люблю ждать.

С этими словами он склонился к её уху, и его дыхание обожгло её кожу.

— Сладких снов, Анна Сергеевна.

Он развернулся и вышел, оставив её одну в этой чужой, безликой комнате. Дверь закрылась с мягким щелчком, и Анна, наконец, позволила себе выдохнуть. Ноги подкосились, и она опустилась прямо на пол, прижав ладони к лицу.

Это только начало. Он сказал, что начнёт завтра. Что это значит? Что он имеет в виду? Её воображение рисовало картины одна страшнее другой, и она зажмурилась, пытаясь отогнать их. Но темнота была ещё хуже. В темноте она оставалась наедине с собственными мыслями, и они терзали её, как дикие звери.

Она заставила себя подняться. Подошла к кровати, села на край. Матрас мягко прогнулся под ней. Шёлковое покрывало холодило пальцы. Всё здесь было дорогим, изысканным, но чужим. Она не могла представить, как сможет уснуть в этой кровати, как сможет провести здесь хотя бы одну ночь.

Но усталость взяла своё. Тело, измученное бессонницей и стрессом, требовало отдыха. Анна сняла туфли, стянула платье, оставшись в белье, и нырнула под одеяло. Ткань пахла свежестью, лёгким цветочным ароматом. Подушка была прохладной и невероятно мягкой. Она закрыла глаза, и сон навалился на неё, как тёмная волна, унося в беспамятство.

Проснулась она от того, что солнечный свет бил прямо в

лицо. Анна зажмурилась и прикрыла глаза рукой. Прошло несколько секунд, прежде чем она вспомнила, где находится. Вспомнила — и сердце ухнуло вниз.

Она села на кровати, оглядываясь. Комната всё та же. Светлая, безупречная, чужая. На туалетном столике — серебряный поднос с завтраком: кофейник, чашка, свежие круассаны, вазочка с вареньем, нарезанные фрукты. Рядом — записка, написанная от руки размашистым почерком: «Завтрак в столовой через час. Не опаздывайте. М.В.»

Анна смяла записку в кулаке. Даже здесь он командовал, не давая ей и шанса на самостоятельность. Через час. Значит, нужно успеть привести себя в порядок.

Она встала, подошла к гардеробной и распахнула дверь. Внутри оказалось целое царство одежды. Платья, блузы, юбки, брюки, строгие костюмы, вечерние наряды. Всё аккуратно развешано по цветам, разложено по полкам. Обувь — десятки пар, от домашних туфель до вечерних лодочек на шпильке. Бельё — кружевное, шёлковое, соблазнительное. Анна почувствовала, как к щекам приливает кровь. Он всё это выбирал. Представлял, как она будет выглядеть в каждой из этих вещей. И от этой мысли её бросило в дрожь.

Она выбрала самое строгое, что нашла: тёмно-синее платье с длинным рукавом и закрытым воротом, без малейшего намёка на соблазн. Туфли на низком каблуке. Никакой косметики, кроме лёгкого тонального крема, чтобы скрыть следы усталости. Волосы — простой пучок на затылке. Пусть

видит, что она не собирается играть в его игры.

Ровно через час она спустилась в столовую. Ветров уже сидел во главе стола, одетый в безупречный серый костюм. Перед ним стояла чашка кофе и газета, которую он, впрочем, не читал. Он смотрел на неё, и взгляд его был острым, оценивающим, проникающим под кожу.

— Доброе утро, — произнёс он, откладывая газету. — Прошу, садитесь.

Анна молча села на противоположный конец стола, как можно дальше от него. Перед ней тут же возникла Елизавета с кофейником.

— Кофе? Чай? — спросила она.

— Чай, — ответила Анна, не глядя на неё.

Экономка наполнила чашку и отошла. В столовой воцарилась тишина, нарушаемая лишь звоном приборов. Анна взяла круассан, отломил кусочек, но еда не шла в горло. Она жевала механически, не чувствуя вкуса, и всё это время ощущала на себе его взгляд.

— Сегодня у вас будет возможность познакомиться с домом, — нарушил молчание Ветров. — Елизавета проведёт вам экскурсию. Кроме того, я оставил расписание вашего дня.

— Расписание? — Анна вскинула бровь. — Я что, в тюрьме?

— В некотором роде, — усмехнулся он. — В тюрьме с золотыми прутьями. И вам придётся привыкнуть жить по мо-

им правилам.

— Я не собираюсь жить по вашим правилам, — она отодвинула тарелку. — Контракт говорит о подчинении, но не о том, что вы будете диктовать мне каждую минуту.

— Контракт говорит о полном подчинении, — напомнил он, и голос его стал жёстче. — А это значит, что я определяю, как вы живёте, где вы бываете, что делаете и с кем общаетесь. И если я говорю, что у вас будет расписание, — оно будет.

Он встал, подошёл к ней и положил перед ней лист бумаги. Анна опустила взгляд. Это был расписанный по часам день: завтрак, спорт, чтение, обед, прогулка в саду, ужин, встреча с ним в кабинете. Последний пункт был подчёркнут дважды.

— Что за встреча в кабинете? — спросила она, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Нам нужно обсудить условия нашего... сотрудничества, — ответил он, наклоняясь к её уху. — Более детально. Без свидетелей.

Он выпрямился и направился к выходу. У двери остановился:

— И, Анна Сергеевна... Не заставляйте меня ждать.

Он вышел. Анна осталась одна за огромным пустым столом, чувствуя себя маленькой и беспомощной, как никогда раньше. Вокруг неё — роскошь, о которой мечтают тысячи, но для неё эта роскошь была хуже камеры пыток. Каждая секунда здесь была пропитана унижением, каждое слово —

ядом.

Но она не сломается. Нет. Она будет играть по его правилам, пока не найдёт способ ударить в ответ. А пока — расписание. Что ж, пусть будет расписание. Она подчинится внешне, но внутри останется свободной. По крайней мере, она будет в это верить.

Анна поднялась и вышла из столовой. Дом был огромен, и она понятия не имела, куда идти. Но ей было всё равно. Она брела по коридорам, заглядывая в комнаты, и везде её встречала одна и та же холодная, безжизненная красота. Гостиные, кабинеты, библиотека с тысячами книг, которые, кажется, никогда не читали. Зимний сад с экзотическими растениями, бассейн с подсвеченной водой, тренажёрный зал, от которого веяло стерильностью.

И повсюду — камеры. Она заметила их почти сразу: маленькие, вмонтированные в стены, едва различимые. Он следил за ней. Каждую секунду, каждое движение. Эта мысль заставила её спину выпрямиться, а лицо — превратиться в маску бесстрастного спокойствия. Пусть смотрит. Пусть видит, что она не боится.

День тянулся бесконечно. Елизавета провела её по дому, показала всё, но Анна почти не слушала. Её мысли были заняты предстоящей встречей. Что он хочет ей сказать? Что требует обсудить? Её воображение рисовало картины одна другой мрачнее, и к вечеру она была на взводе.

Ужин прошёл в том же гробовом молчании. Ветров не по-

являлся. Елизавета подала еду и удалилась, оставив её одну. Анна ковыряла вилкой рыбу, чувствуя, как напряжение растёт с каждой минутой. Наконец, когда часы в холле пробили восемь, она услышала шаги.

— Анна Сергеевна, — раздался его голос из-за спины. — Я жду вас в кабинете.

Она обернулась. Он стоял в дверях столовой, всё в том же сером костюме, но теперь без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами. Вид у него был собранный, деловой, но в глазах горело то же тёмное, пугающее желание, которое она уже научилась распознавать.

Она медленно поднялась, отложила салфетку и последовала за ним. Кабинет находился на первом этаже, в конце длинного коридора. Это была просторная комната, обшитая тёмным деревом, с массивным письменным столом, кожаными креслами и стеллажами с книгами. На столе — лампа с зелёным абажуром, несколько папок, стакан с виски.

Ветров закрыл дверь и повернул ключ. Звук этот прозвучал как выстрел. Анна стояла посреди комнаты, выпрямившись, как струна, и смотрела на него в упор.

— Садитесь, — сказал он, указывая на кресло напротив стола.

Она села. Он обошёл стол, но не сел напротив, а остался стоять рядом, возвышаясь над ней, как судья над подсудимой.

— Итак, — начал он, — нам нужно прояснить несколь-

ко моментов. Первое: я не потерплю вашего неповиновения. Любое нарушение моих правил будет иметь последствия. Вам ясно?

— Вполне, — ответила Анна, глядя ему прямо в глаза.

— Второе: вы не покидаете территорию дома без моего разрешения. Любая попытка сбежать будет расценена как нарушение контракта, и вы знаете, что последует за этим.

— Моя мать, — произнесла она тихо.

— Совершенно верно. Ваша мать. Поэтому советую вам не делать глупостей.

Он сделал паузу, словно давая ей осознать сказанное.

— Третье: вы будете сопровождать меня на мероприятия, когда я того потребую. Вы будете выглядеть и вести себя соответственно. Я не потерплю скандалов, истерик или попыток выставить меня в дурном свете.

— Я не собираюсь устраивать истерики, — процедила Анна. — Но и не собираюсь притворяться счастливой рядом с вами.

— А этого и не требуется, — усмехнулся он. — Мне нужно, чтобы вы были рядом. Остальное — моя забота.

Он наконец сел — не за стол, а в соседнее кресло, так что их колени едва не соприкасались. Анна почувствовала, как воздух между ними наэлектризовался.

— И четвёртое, — произнёс он, понизив голос. — Самое важное. Вы — моя. Полностью. Во всех смыслах. И я буду брать то, что принадлежит мне по праву.

Её дыхание перехватило. Она открыла рот, чтобы ответить, но не смогла произнести ни слова. Он смотрел на неё так, что всё внутри переворачивалось — от страха, от гнева, от чего-то ещё, чему она отказывалась дать имя.

— Вы ненавидите меня, — продолжил он, и в голосе его не было ни капли раскаяния. — Это прекрасно. Ненависть — отличное топливо. Но я хочу, чтобы вы знали: рано или поздно вы перестанете ненавидеть. Потому что я умею ждать. И умею добиваться своего.

Он подался вперёд, и его лицо оказалось в каких-то сантиметрах от её лица. Анна замерла, не в силах пошевелиться. Её сердце колотилось так, что, казалось, было слышно по всему дому.

— А теперь идите, — сказал он, откинувшись назад. — Сегодня вы свободны. Но завтра... завтра начнётся ваша настоящая жизнь. И я обещаю, она будет совсем не похожа на ту, что вы знали.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было столько тёмного предвкушения, что Анну пробрала дрожь. Она поднялась, стараясь не показать, как сильно у неё трясутся руки, и направилась к двери.

— Анна Сергеевна, — окликнул он, когда её пальцы уже легли на ручку.

Она остановилась, но не обернулась.

— Не запирайте дверь своей комнаты. Я хочу иметь возможность войти в любой момент.

Её пальцы сжали ручку так, что побелели костяшки. Она хотела ответить резкостью, но слова застряли в горле. Вместо этого она молча открыла дверь и вышла.

Коридор был пуст и тих. Анна шла, не разбирая дороги, пока не очутилась в своей комнате. Она захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Слезы жгли глаза, но она не позволяла им пролиться. Нет. Она не заплачет. Не здесь. Не из-за него.

Она заставила себя подняться, подойти к окну. За стеклом чернел сад, и в его глубине, среди деревьев, ей почудилось какое-то движение. Она вгляделась, но ничего не увидела. Только тьма. Только ночь, обступившая дом со всех сторон.

И в этой ночи она почувствовала себя пленницей. Пойманной, связанной невидимыми нитями, привязанной к человеку, который был её врагом. Но где-то в самой глубине души, под слоями страха и ненависти, тлел крошечный уголёк любопытства. Тот самый, который она отчаянно пыталась погасить. Потому что, если он разгорится, последствия могут быть куда страшнее всего, что она могла вообразить.

Она долго стояла у окна, вглядываясь в темноту, пока ноги не заныли от усталости. Потом разделась, легла в постель и, как ни странно, уснула почти мгновенно. Сон её был тревожным, полным обрывочных образов: лицо отца, суд, огонь, руки, прикасающиеся к ней во тьме. А под утро ей приснился он. Ветров. И во сне она не убегала. Во сне она стояла к нему лицом и смотрела в его серые, холодные, нена-

сытные глаза, и ненависть её была так сильна, что граничила с чем-то иным, чему нет названия.

Она проснулась в холодном поту, с колотящимся сердцем. За окном светало. Новый день. И впереди — новая жизнь, полная страха, унижения и борьбы. Но и — где-то далеко, за горизонтом — смутная надежда на то, что однажды всё изменится. И тогда она станет не жертвой, а палачом. Палачом того, кто посмел отнять у неё всё.

Глава 3. Тонкая грань

Анна лежала в постели, глядя в потолок, и считала удары сердца. Сердце билось неровно, сбивчиво, то замирая, то пускаясь в галоп, и этот беспорядочный ритм был созвучен её мыслям, метавшимся между страхом, злостью и чем-то третьим, чему она упорно отказывалась дать определение. За окном медленно разгорался рассвет, превращая ночную тьму в серый, промозглый полумрак, и в этом полумраке комната казалась ещё более чужой, ещё более враждебной.

Она не спала почти всю ночь. После того разговора в кабинете сон не шёл, а если и приходил, то обрывками, наполненными тягучими, липкими кошмарами. Ей снился отец. Он стоял у окна их старой квартиры и молча смотрел вниз, на мокрый ноябрьский асфальт. Она звала его, кричала, пыталась дотянуться, но между ними была невидимая стена, и голос её тонул в ватной тишине. А потом отец оборачивался, и она видела его лицо — серое, измождённое, с провалившимися глазами, в которых уже не было ничего, кроме бездонной, всепоглощающей пустоты. «Ты должна была выиграть дело», — произносил он беззвучно, одними губами, и от этих слов Анна просыпалась в холодном поту, с колотящимся сердцем и вкусом горечи на языке.

Теперь она лежала и смотрела, как тени на потолке медленно бледнеют, уступая место тусклому утреннему свету.

Где-то внизу, в недрах дома, уже слышались приглушённые шаги — прислуга начинала свой день. Елизавета, должно быть, уже хлопочет на кухне, отдаёт распоряжения, проверяет, всё ли готово к завтраку. А сам хозяин этого места... где он? В своей спальне? В кабинете? Или уже уехал, оставив её на растерзание тишине и собственным мыслям?

Анна не знала, чего ждать от наступившего дня. Вчерашний вечер закончился его словами: «Завтра начнётся ваша настоящая жизнь». Что это значит? Что он задумал? Какие ещё испытания приготовила для неё судьба, столкнувшая её с этим человеком? Вопросы множились, и ответов не было. Только страх — липкий, осязаемый, поселившийся где-то между рёбер.

Она заставила себя подняться. Тело ныло, как после долгой болезни, но это была не физическая боль. Это была усталость души, та самая, что не лечится ни отдыхом, ни лекарствами. Анна подошла к окну, отдёрнула штору. Внизу, в саду, копошился садовник — пожилой мужчина в сером комбинезоне, подстригавший кусты. Движения его были неторопливыми, размеренными, и от этого зрелища веяло таким покоем, что Анне на миг стало невыносимо тоскливо. Она бы всё отдала за эту простую жизнь: вставать на рассвете, работать руками, чувствовать землю под ногами. Но её реальность была иной. И из этой реальности не было выхода.

Спустя час она спустилась к завтраку. В столовой было пусто. Только Елизавета неслышно скользила между кухней

и столом, расставляя тарелки с едой. Анна села на своё место — то же, что и вчера, на противоположном от Ветрова конце стола — и молча принялась за остывший омлет. Аппетита не было, но она заставляла себя есть, понимая, что силы ей понадобятся. Особенно сегодня.

— Максим Алексеевич просил передать, что будет ждать вас в малом кабинете в десять часов, — произнесла Елизавета, остановившись рядом.

Анна подняла на неё взгляд.

— В малом кабинете? Вчера мы были в другом.

— Это комната в конце восточного крыла, на первом этаже. Я могу проводить вас, если пожелаете.

— Не нужно. Найду сама.

Экономка едва заметно кивнула и удалилась. Анна снова осталась одна, если не считать призрачного присутствия прислуги, которая, казалось, всегда была где-то рядом, но оставалась невидимой. Она отодвинула тарелку, отпила глоток чая, уже успевшего остыть, и посмотрела на часы. До десяти оставалось сорок минут. Сорок минут томительного ожидания, которое она собиралась провести, блуждая по дому.

Восточное крыло оказалось ещё более тихим, чем остальная часть дома. Здесь было меньше света, окна выходили на густой сад, и оттого коридор казался сумрачным, почти мрачным. Анна шла медленно, разглядывая картины на стенах — в основном пейзажи, написанные маслом: тёмные ле-

са, бурные реки, мрачные горы. Всё это напоминало чьё-то видение мира, лишённого тепла и радости. В конце коридора она увидела дверь, отличающуюся от остальных — массивную, из тёмного дуба, с бронзовой ручкой в виде головы льва. Она остановилась перед ней, собираясь с духом.

Стучать она не стала. Вместо этого открыла дверь и вошла.

Малый кабинет оказался меньше того, где они были вчера, но не менее роскошным. Стены, обшитые панелями из орехового дерева, книжные стеллажи до потолка, глубокие кожаные кресла, камин, в котором уже горел огонь. Ветров стоял у окна, повернувшись к ней спиной, и смотрел на сад. На нём был тёмно-синий костюм, подчёркивающий его фигуру, безупречно выглаженная рубашка, туфли, начищенные до блеска. Он был воплощением собранности и власти, и Анна почувствовала, как внутри неё снова поднимается волна ненависти.

— Вы пунктуальны, — произнёс он, не оборачиваясь. — Это похвально.

— Я не хочу давать вам поводов для претензий, — ответила она, останавливаясь в центре комнаты.

Он медленно обернулся. Его серые глаза прошли по ней — от строгого пучка на затылке до кончиков туфель — и на его губах появилась та самая полуулыбка, от которой у Анны всё внутри сжималось.

— Хорошо. Тогда начнём с малого. Подойдите.

Анна замешкалась. Каждое его слово звучало как приказ, и это бесило её до дрожи. Но она заставила себя сделать несколько шагов вперёд, сократив расстояние между ними до пары метров.

— Ближе, — потребовал он, и голос его стал ниже.

Она подошла ещё ближе. Теперь она чувствовала запах его одеколона — терпкий, с древесными нотками, — и видела, как в его глазах пляшут отблески каминного огня.

— Сегодня вы начнёте привыкать к своему новому положению, — сказал он, глядя на неё сверху вниз. — Для начала я хочу, чтобы вы сопровождали меня на деловой ужин в пятницу.

— Ужин? — переспросила Анна, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Вы собираетесь вывести меня в свет?

— А вы думали, я запру вас в четырёх стенах и буду держать как тайную наложницу? — усмехнулся он. — Нет, Анна Сергеевна. Вы — моя спутница. Это значит, что вы будете рядом со мной, когда я этого пожелаю. И на людях, и наедине.

Она стиснула зубы, стараясь сохранить самообладание.

— И что от меня потребуется?

— Многое. Но для начала — выглядеть безупречно. Для этого сегодня приедет портниха. Она снимет мерки и займётся вашим гардеробом.

— Мне не нужна портниха, — возразила Анна. — В том, что вы уже купили, достаточно вещей.

— Это не то, что нужно для выхода в свет, — отрезал он.
— Я хочу, чтобы вы выглядели так, как подобает женщине рядом со мной. И вы будете делать всё, что я говорю. Это не обсуждается.

Она открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку, останавливая её.

— И ещё одно. С этого момента вы обращаетесь ко мне на «ты». В неформальной обстановке. На людях — можете оставить официальное обращение, но когда мы одни... — он сделал паузу, и в его глазах вспыхнул огонь, — я хочу слышать от тебя это.

Анна почувствовала, как кровь приливает к лицу. Это было унижительно — даже не само требование, а то, с какой лёгкостью он его озвучил. Как будто она была вещью, которой можно распоряжаться без её согласия. Но она подписала контракт. Она отдала себя в его руки. И теперь оставалось только сжать зубы и терпеть.

— Хорошо, — произнесла она, и это слово далось ей с трудом.

— Хорошо... что? — переспросил он, прищурившись.

Она взглянула на него, и в её глазах полыхнула такая ненависть, что на мгновение даже он, казалось, удивился.

— Хорошо... Максим, — процедила она сквозь зубы.

Он улыбнулся — медленно, растягивая момент, — и в этой улыбке было столько торжества, что Анну затошнило.

— Вот так, — произнёс он. — Уже лучше. А теперь, раз

мы здесь, я хочу рассказать тебе о некоторых правилах, которые ты будешь соблюдать с этого момента.

Он отошёл к креслу у камина и сел, закинув ногу на ногу. Анна осталась стоять, чувствуя себя школьницей перед строгим учителем.

— Правило первое: ты не покидаешь дом без моего ведома. Даже если это прогулка в саду. Если я не знаю, где ты находишься, это считается нарушением.

— Я что, под домашним арестом? — не удержалась она.

— Ты под моей опекой, — поправил он, и слово это прозвучало как насмешка. — И да, в каком-то смысле под арестом. Пока я не решу иначе.

Анна сжала кулаки, но промолчала.

— Правило второе: ты не общаешься с посторонними без моего разрешения. Прислуга — только по делу. Телефон, интернет — под моим контролем. Я уже распорядился, чтобы в твоей комнате установили специальное оборудование.

— Вы... ты... — она запнулась, не в силах подобрать слова. — Ты собираешься лишить меня связи с внешним миром?

— Я собираюсь обезопасить себя и тебя от глупостей, — ответил он спокойно. — Твоя мать получит всю необходимую помощь, как мы договорились. Но твоя жизнь отныне — здесь. И в этой жизни не место звонкам подругам или перепискам с бывшими коллегами.

Анна почувствовала, как к горлу подступает ком. Он отрезал её от всего, что было ей дорого. От подруг, от знако-

мых, от остатков прежней жизни. Она осталась одна, в полной его власти, и осознание этого было подобно удару под дых.

— Правило третье, — продолжал он, не сводя с неё глаз. — Ты выполняешь всё, что я скажу. Без возражений, без промедлений. Если я говорю «приди», ты приходишь. Если я говорю «надень это», ты надеваешь. Если я говорю «встань», ты встаёшь. Понятно?

Она молчала, глядя на него с ненавистью, граничащей с отчаянием.

— Мне нужен ответ, Анна, — произнёс он с нажимом.

— Понятно, — выдохнула она, и голос её дрогнул.

— И правило четвёртое, — он поднялся и подошёл к ней так близко, что она почувствовала тепло его тела. — Ты не будешь запира́ть дверь своей комнаты. Я говорил тебе вчера. И я повторю ещё раз: я хочу иметь возможность войти, когда пожелаю. Ночью, днём, в любой час. Ты моя, и я не потерплю преград между нами.

Её сердце бешено заби́лось. Она почувствовала, как его рука ложится на её талию — нежно, но властно, словно заявляя права. Её тело напряглось, но она не отшатнулась. Бежать было некуда. И он это знал.

— Ты дрожишь, — заметил он, склонившись к её уху. — Тебе страшно?

— Мне противно, — ответила она, и слова эти упали между ними, как камни.

Он не разозлился. Напротив, его губы растянулись в ещё более широкой улыбке, и он тихо рассмеялся — низким, грудным смехом, от которого по её спине пробежала дрожь.

— Это пройдёт, — сказал он. — Со временем противное станет привычным. А потом... — он сделал паузу, и его губы почти коснулись её уха, — потом тебе начнёт нравиться.

Она резко отстранилась, вырываясь из его объятий, и отступила на несколько шагов, тяжело дыша.

— Этому не бывать, — произнесла она, глядя ему прямо в глаза. — Никогда.

Он смотрел на неё с выражением, в котором не было ни злости, ни удивления. Только тёмное, всепоглощающее любопытство.

— Никогда — слишком долгий срок, — тихо ответил он. — Мы ещё посмотрим.

Он развернулся и направился к двери. У самого порога остановился и бросил через плечо:

— Портниха приедет в два. Будь готова. И запомни: всё, что она скажет делать, — делай. Для твоего же блага.

Дверь закрылась. Анна осталась одна в полумраке кабинета, и только потрескивание дров в камине нарушало тишину. Она опустилась в кресло, в котором он только что сидел, и закрыла лицо руками. Внутри неё бушевала буря: гнев, унижение, страх — всё смешалось в один ядовитый коктейль. Но где-то на самом дне, под этими эмоциями, тлело и кое-что ещё. Тонкое, как нить, и опасное, как лезвие. Любопыт-

ство. То самое, о котором она запретила себе думать.

Следующие несколько часов пролетели как в тумане. Анна вернулась в свою комнату, попыталась читать — но слова расплывались перед глазами. Спустилась в библиотеку, побродила между стеллажами, но книги не приносили утешения. Всё в этом доме было пропитано им: его вкусом, его волей, его незримым присутствием. Она не могла нигде укрыться от него.

В два часа раздался звонок у входа. Анна выглянула в окно и увидела у крыльца автомобиль, из которого вышла женщина в элегантном пальто с несколькими сумками и чехлами для одежды. Портниха. Значит, началось.

Елизавета проводила гостью в одну из гостиных на первом этаже, и Анна, собрав волю в кулак, спустилась к ним. Женщина оказалась молодящейся дамой лет пятидесяти, с острыми глазами и быстрыми, точными движениями. Она представилась Верой Андреевной и принялась обсуждать фасоны, ткани, цвета, не давая Анне и слова вставить. Вскоре в гостиной уже кипела работа: портниха снимала мерки, прикладывала к ней образцы материй, что-то записывала в блокнот, перебирала кружева и шёлка.

Анна стояла неподвижно, как манекен, позволяя делать с собой всё, что требовалось. Мысли её были далеко. Она представляла, как выглядит со стороны: послушная кукла, которую наряжают по прихоти хозяина. И от этого образа внутри неё закипала злость — тихая, глухая, пока не проры-

вающаяся наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.